

ВОЙНА СТАРИКА

ВОЙНА СТАРИКА

THE GHOST BRIGADES

THE LAST COLONY

ZOE'S TALE

THE HUMAN DIVISION

THE END OF ALL THINGS

JOHN SCALZI

**O L D M A N ` S
W A R**

ДЖОН СКАЛЬЦИ.

В О Й Н А
С Т А Р И К А

fanzon

МОСКВА
2022

УДК 821.111-312.9(73)
ББК 84(7Сое)-44
С42

John Scalzi
OLD MAN'S WAR

Copyright © John Scalzi 2005

Публикуется с разрешения автора
и его литературных агентов —
Ethan Ellenberg Literary Agency, США, при участии
Агентства *Александра Корженевского*, Россия

Cover © Dark Crayon
Иллюстрация *Петра Цислиньского*

Скальци, Джон.

С42 **Война старика / Джон Скальци ; [перевод с английского А. Гришина]. — Москва : Эксмо, 2022. — 352 с.**

ISBN 978-5-04-163793-4

Вам исполнилось семьдесят пять? Думаете, отмеренный вам срок подходит к концу, и ничто не держит вас на Земле? Что ж, тогда у вас есть шанс прожить еще одну жизнь. Вступайте в космические колониальные войска!

Джон Перри совершает шаг в неизвестность, где его ждут битвы за выживание рода человеческого, друзья, которые, как и он, сделали выбор, а главное, новое тело — сильное, молодое и... другое.

УДК 821.111-312.9(73)
ББК 84(7Сое)-44

ISBN 978-5-04-163793-4

© А. Гришин, перевод на русский язык, 2022
© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2022

*Риган Эвери, моей первой
и самой замечательной читательнице.
И, как всегда, Кристине и Афине.*

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

1

В СЕМЬДЕСЯТ ПЯТУЮ ГОДОВЩИНУ СО ДНЯ МОЕГО РОЖДЕНИЯ я сделал две вещи. Посетил могилу жены. А потом вступил в армию.

Первое оказалось менее драматичным событием, чем второе.

Кэти покоится на кладбище Харрис-крик, расположенном в миле от дома, где я живу и где обитала наша семья. Ни она, ни я не рассчитывали на предстоящие похороны и не зарезервировали место заранее. Спорить с распорядителем было смертельно (как раз то самое слово!) унизительно. Дело кончилось тем, что мой сын Чарли, который, так уж получилось, оказался мэром нашего города, пригрозил, что разобьет пару-тройку голов, и все-таки раздобыл участок. В том, что ты отец мэра, есть определенные преимущества.

Итак, могила. Простая и незаметная, с маленькой табличкой вместо памятника. Словно для контраста, Кэти положили рядом с Сандрой Кэйн, которую все и всегда называли Сэнди. Здесь возвышается громадный надгробный камень из отполированного черного гранита с фотографией Сэнди, сделанной еще в те времена, когда она училась в школе. На передней грани памятника нанесена пескоструйным аппаратом слезливая цитата из Китса насчет смерти, не щадящей молодость и кра-

соту. В этом вся Сэнди — со всеми потрохами. Кэти наверняка немало развлеклась бы, знай она, что Сандра со своим гранитным монументом припарковалась рядом: на протяжении всей жизни Сэнди вела забавное пассивно-агрессивное соперничество с нею. Если Кэти приходила на местную ярмарку домашней выпечки и приносила пирог, Сэнди притаскивала сразу три и не на шутку злилась, когда изделие Кэти продавалось раньше. Возможно, Кэти стоило попробовать решить эту проблему, купив один из пирогов Сэнди. Хотя трудно сказать, к какому это привело бы результату. Не исключено, что, с точки зрения Сандры, это было бы еще хуже.

Мне кажется, что надгробный памятник Сэнди можно считать последним словом в этом диспуте, этаким заключительным аргументом, который уже не может быть опровергнут, потому что как-никак Кэти мертва. С другой стороны, я что-то не могу припомнить, чтобы кто-нибудь навещал Сандру Кэйн. Через три месяца после ее смерти Стив Кэйн продал дом и перебрался в Аризону. При этом его физиономию распирала улыбка шириной в автомагистраль № 10. Спустя некоторое время я получил от него открытку; он сошелся с женщиной, которая пятьдесят лет назад была порнозвездой. После получения этой немногословной информации я неделю чувствовал себя грязным. Дети и внуки Сэнди живут в соседнем городе, но с тем же успехом они могли бы обитать и в Аризоне — судя по тому, насколько редко они бывают на кладбище. Скорее всего, строки из Китса, начертанные на гранитной плите Сэнди, после похорон не читал никто, кроме меня, когда я проходил мимо.

На могильной табличке Кэти написано ее имя — Кэтрин Ребекка Перри, — даты рождения и смерти и слова: «ЛЮБИМАЯ ЖЕНА И МАТЬ». Я снова и снова перечитываю их при каждом посещении кладбища. Ничего не могу поделывать: эти четыре слова так неполно и притом с такой идеальной точностью подводят итог ее жизни. Эта фраза ничего не скажет вам о ней: о том, как она встре-

чала каждый день, как работала, чем интересовалась, где любила путешествовать. Вы никогда не узнаете, каким был ее любимый цвет, какую прическу она предпочитала, как голосовала на выборах, каким было ее чувство юмора. Вы не узнаете о ней ничего, за исключением того, что она была любима. И это правда. Кэти сочла бы, что этого вполне достаточно.

Я ненавижу визиты сюда. Мне ненавистно то, что женщина, бывшая моей женой на протяжении сорока двух лет, мертва. Что как-то субботним утром на кухне она размешивала в миске тесто для вафель и рассказывала мне о споре, который разгорелся накануне вечером на собрании правления библиотеки, а в следующую минуту уже лежала на полу, дергаясь в конвульсиях, потому что кровоизлияние разрушило мозг. Мне непереносимо, что ее последними словами были: «Черт побери, куда же я подевала ваниль?..»

Я ненавижу, что сделался одним из тех стариков, которые ходят на кладбище, чтобы побыть со своей умершей женой. Когда я был намного моложе, то не спрашивал Кэти, в чем же может быть смысл таких походов. Груда гнилого мяса и костей, которые когда-то были человеком, — это уже вовсе не человек, это всего лишь груда гнилого мяса и костей. Человек уходит на небеса или в ад, становится всем или — ничем. С таким же успехом можно навещать бок говяжьей туши. С годами понимаешь, что все это, конечно, верно. Только не имеет уже никакого значения. Просто у тебя есть то, что есть.

Я и ненавижу кладбище, и благодарен ему одновременно. Мне ужасно не хватает моей жены. Куда легче тосковать по ней на кладбище, где она существует только мертвая, нежели во всех тех местах, где она бывала живой.

Я пробыл там недолго. Ровно столько, чтобы почувствовать, что боль все так же остра, несмотря на почти восемь прошедших лет, и также осознать, что у меня еще много дел, которые нужно делать, а не торчать здесь, как старый никчемный дурак. Я повернулся и пошел прочь,

не оглядываясь. Это был мой последний визит на кладбище, но мне совершенно не хотелось, чтобы Харрискрик с этой могилой врезались в память. Потому что, как я уже сказал, здесь Кэти существует только мертвая. И, значит, воспоминания об этом месте не имеют никакого значения.

Хотя, если подумать, зачисление в армию тоже не отличалось особым драматизмом.

Мой город слишком мал для того, чтобы иметь собственную вербовочную контору. Поэтому мне пришлось отправиться в Гринвилл, окружной центр. Контора по набору рекрутов занимала небольшое помещение в длинном здании, заполненном магазинами и офисами. По одну сторону располагался вход в казенный винный магазин, а по другую — заведение татуировщика. Если совершить обход этих заведений в неверном порядке, то завтра утром может выясниться, что ты вляпался в более или менее серьезные неприятности.

Внутри контора была еще менее привлекательна, если, конечно, такое возможно. В небольшую комнатку были впихнуты два стола и восемь обшарпанных стульев. Компьютер и принтер, занимавшие тот стол, что побольше, почти скрывали сидящего за ним человека. Маленький столик у стены оказался завален информационными проспектами и старыми номерами «Тайм» и «Ньюсуик». Мы с Кэти побывали здесь десять лет тому назад, но, похожему, все осталось на прежних местах; изменились лишь даты на журналах. И, похоже, человек за столом тоже был новым. По крайней мере, я не помню, чтобы у предыдущего вербовщика была такая пышная прическа. И такая внушительная грудь.

Вербовщица была занята. Она печатала что-то на компьютере и не потрудилась поднять голову, когда я вошел, лишь пробормотала, услышав звук открывающейся двери:

— Подождите, сейчас я вами займусь, — что было, судя по всему, реакцией на звук и служило прекрасным подтверждением павловской теории условных рефлексов.

— Не торопитесь, — ответил я. — Я знаю, что место для меня забронировано.

Эта острота с легким налетом сарказма осталась незамеченной и неоцененной, но все же приятно было ощутить, что я не до конца утратил форму. Я сел перед столом и стал ждать.

— Вы пришли или отправляетесь? — спросила женщина, все так же не глядя на меня.

— Прошу прощения?

— Пришли или отправляетесь? — повторила она. — Пришли, чтобы сделать заявление о намерении вступить в ряды, — раздельно произнесла вербовщица, — или отправляетесь начать службу?

— Ах, так... В таком случае, пожалуй, отправляюсь.

Это наконец заставило ее оторвать взор от экрана и посмотреть на меня сквозь довольно толстые стекла очков.

— Вы — Джон Перри, — сказала она.

— Совершенно верно. Но как вы догадались?

Она снова взглянула на экран компьютера.

— По большей части люди, желающие завербоваться, являются в свой день рождения, несмотря даже на то, что у них есть в запасе еще тридцать дней для выполнения всех формальностей. Сегодня день рождения только у трех человек. Мэри Вэлори уже позвонила и отказалась подписывать контракт. А на Синтию Смит вы не похожи.

— Очень приятно это услышать.

— И так как вы пришли не для заключения предварительного соглашения, — продолжала она, полностью игнорируя мою вторую попытку сострить, — логично будет предположить, что вы — Джон Перри.

— Я могу быть просто одиноким стариком, заглянувшим к вам наугад, чтобы немного поболтать.

— Таких у нас бывает крайне мало, — ответила женщина. — Они изрядно боятся детишек с демоническими татуировками, которые разместились рядом.

Она наконец отодвинула клавиатуру и обратила все внимание на меня.

— Ну что ж. Будьте добры, покажите какое-нибудь удостоверение личности.

— Но вы ведь уже догадались, кто я такой.

— Мне надо знать наверняка.

В ее словах не было даже малейшего намека на улыбку. Очевидно, необходимость ежедневно иметь дело со старыми болтливыми пердунами выработала в ней привычку всегда оставаться подчеркнуто серьезной.

Я предъявил водительские права, свидетельство о рождении и национальное удостоверение личности. Она достала из ящика стола планшет, подключила его к компьютеру и пододвинула ко мне. Несколько секунд я сидел неподвижно, ожидая окончания сканирования ладони. Женщина тем временем сунула мое удостоверение личности в гнездо, находившееся сбоку на клавиатуре, — несомненно, чтобы сверить показания своего прибора с теми, что были заложены в мою карточку.

— Вы — Джон Перри, — сказала она после долгой паузы.

— Ну, вот мы и вернулись к тому, с чего начали, — заметил я.

И опять она не обратила внимания на шутку.

— Десять лет назад, во время ознакомительной процедуры, предшествовавшей подписанию вами заявления о намерении, вам была предоставлена информация о Силах самообороны колоний и о долге и обязательствах, которые вы примете на себя, вступив в ряды ССК, — продекламировала она.

По ее тону было ясно, что эти слова ей приходится произносить каждый день на протяжении большей части ее профессиональной деятельности.

— В дополнение к этому за истекший период времени вам направлялись материалы, дополненные свежей информацией, предназначенной для того, чтобы напомнить о долге и обязательствах, с которыми вы должны будете согласиться. Нуждаетесь ли вы в дополнительной информации относительно данного пункта или же готовы заявить, что полностью понимаете долг и обязательства, которые намерены возложить на себя? Хочу поста-

вить вас в известность, что вы не подвергнетесь никаким штрафным санкциям в случае, если запросите наиболее современные материалы или же решите не вступать в ряды ССК в данный момент.

Я вспомнил ознакомительную сессию. Первая часть заключалась в том, что кучка пожилых горожан расположилась на складных стульях в зале Гринвиллского городского клуба, чтобы жевать пончики, запивая их кофе, и слушать аппаратчика ССК, который монотонно рассказывал об истории космических колоний человечества. Затем он раздал присутствовавшим брошюры о жизни военнослужащих ССК. Судя по тощим книжечкам, эта жизнь мало чем отличалась от военного быта в любой другой армии. Задавая вопросы, мы узнали, что он никогда не служил в ССК, а был нанят лишь для проведения таких вот просветительских мероприятий в долине Майами.

Второй частью ознакомительной сессии оказалось краткое медицинское обследование. Явился доктор, который взял у меня кровь, соскоб с внутренней части щеки и сделал сканирование мозга. Очевидно, я был признан годным. С тех пор я ежегодно получал по почте точно такую же брошюру, как та, которую мне дали на первом собеседовании. Начиная со второго экземпляра, я стал их выбрасывать. И с тех пор не раскрыл ни одной.

— Я понимаю, — сказал я.

Она кивнула, достала из ящика несколько листов, ручку и придвинула все это ко мне. Документ содержал ряд пространных параграфов, под каждым из которых было оставлено место для подписи. Нечто похожее я подписывал десять лет тому назад, чтобы подтвердить, что я понял, во что влипаю.

— Я сейчас зачитаю вам нижеследующие параграфы, — сказала женщина. — В конце каждого, если вы понимаете и соглашаетесь с тем, что было прочитано, прошу вас подписаться и проставить дату в специально отведенной строчке. Если у вас есть вопросы, будьте любезны задавать их *после* окончания чтения данного пункта. Если в итоге вы чего-то не поймете или с чем-

то не согласитесь, не подписывайте документ. Пока все понятно?

— Да, — ответил я.

— Очень хорошо, — констатировала она. — Параграф первый: я, нижеподписавшийся, признаю и отдаю себе полный отчет в том, что я, свободно и по собственной воле, без всякого принуждения, изъявляю желание вступить в ряды Сил самообороны колоний на срок службы не менее двух лет. Помимо этого я понимаю, что срок службы может быть продлен в одностороннем порядке Силами самообороны колоний вплоть до восьми дополнительных лет в случае состояния войны или непосредственной угрозы войны.

Пункт о продлении до десяти лет не явился новостью для меня — я все же раз или два читал присылавшиеся мне брошюры, — но сейчас задумался о том, сколько людей не обратили внимания на эти слова. А из тех, кто обратил, многие ли считали, что им действительно придется состоять на службе столько лет. Лично я думал на этот счет, что ССК не стали бы упоминать о десяти годах, если бы не были уверены, что такой срок им понадобится. Из-за карантинных законов о колониальных войнах известно очень мало. Но даже из тех крох информации, которые доходят до нас, совершенно ясно, что в космосе сейчас вовсе не мирное время.

Я расписался.

— Параграф второй: я отдаю себе полный отчет в том, что, добровольно предлагая зачислить себя в ряды Сил самообороны колоний, я соглашаюсь иметь дело с оружием и использовать его против врагов Союза колоний, в числе которых могут оказаться и вооруженные силы других представителей человечества. Я обязуюсь на протяжении всего срока службы не отказываться иметь дело с оружием и применять его в соответствии с полученными мною приказами, не ссылаясь на религиозные или моральные соображения с целью уклониться от боевой службы.

Интересно, много ли народу вступают волонтерами в армию, а затем объявляют себя уклонистами и требуют

поблажек, ссылаясь на политические или религиозные убеждения? Я расписался.

— Параграф три: я отдаю себе полный отчет и соглашаюсь с тем, что буду добросовестно и незамедлительно выполнять приказы и распоряжения вышестоящих начальников и командиров, как это предусмотрено сводом уставов Сил самообороны колоний.

Я расписался.

— Параграф четыре: я отдаю себе полный отчет в том, что, добровольно вступая в ряды Сил самообороны колоний, я соглашаюсь на любые хирургические и терапевтические операции или процедуры, которые Силы самообороны колоний считают необходимыми для повышения боевой готовности.

Этот пункт был самым главным. Именно из-за него бесчисленное множество семидесятипятилетних стариков, в числе которых сегодня оказался и я, ежегодно ставили свои подписи в этом документе.

Когда-то давным-давно я сказал моему дедушке, что к тому времени, когда я достигну его возраста, откроются возможности продлевать человеческую жизнь до поразительного срока. Он посмеялся надо мной и ответил, что в свое время тоже нисколько не сомневался в этом и тем не менее состарился и одряхлел в положенный срок. А теперь и я тоже сделался стариком. Проблема преклонных лет состоит не в том, что из строя выходит одна треклятая деталь за другой, из строя выходит все вместе, одновременно. Ты не можешь прекратить стареть. Генная терапия, пересадка органов и пластическая хирургия — все это достаточно серьезные оборонительные меры против старости. Но от времени не убежишь. Тебе ставят новое легкое, но вдруг сбой дает сердечный клапан. Ты получаешь новое сердце, а печенка увеличивается, как надувной детский бассейн. Заменишь печень — лопнет сосуд в мозгу. Вот он, козырный туз старости — ведь люди все еще не научились пересаживать мозги.

Некоторое время назад средняя продолжительность жизни дошла до девяноста лет. Мы прибавили почти